

МУЗЕЙ СМЕРТИ

Мистические детективы Тамоникова

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

НЕТЛЕННЫЙ

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Нетленный / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103286-9

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом – новый роман А. Тамоникова.

В шестидесятые годы в Сибири было обнаружено древнейшее захоронение человека. Тело по прошествии многих веков осталось нетленным благодаря уникальному, не известному науке составу раствора. Раскопки засекретили... Спустя полвека тайна бальзамирования заинтересовала директора Музея погребальной культуры Сергея Якушина. На поиски артефактов отправилась научная экспедиция во главе с руководителем детективного агентства Никитой Ветровым. Все шло по плану до тех пор, пока специалисты не достигли места раскопок. Здесь связь с экспедицией неожиданно пропала...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103286-9

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разговор не складывался. Молчание Варвары в телефонной трубке становилось грубым и агрессивным. Она сопела — как-то чревато, и я зримо чувствовал, как сжимается и разжимается маленький, но очень подвижный кулачок.

— Варвара Ильинична, простите меня, пожалуйста, — выдавил я через «не могу», «не хочу» и прочие преграды. — Возможно, я был не прав. Не могли бы вы вновь собрать свои вещи и вернуться в мою квартиру? Я очень скучаю, поверьте...

Это была кристальная, выстраданная правда. Жизнь без этой взбалмошной, временами совершенно невыносимой особы становилась не в радость. Мне ее катастрофически не хватало. Я не чувствовал себя виноватым, но готов был каяться, извиняться и вымаливать прощение.

— Я вернусь, и ты мне все простишь, Никита Андреевич? — ядовито осведомилась Варвара, у которой сегодня явно прихрамывала логи-

ка. Хотя, возможно, госпожа парапсихолог просто не слышала, что я сказал до этого, шлифуя планы безжалостного удара. — Послушайте, господин бездарный частный детектив, — с холодком продолжала Варвара, — я уже неоднократно просила оставить меня в покое, но вы не можете успокоиться. Да, я допустила ошибку, переехав к вам, я даже стала привыкать к навязанному вами так называемому «порядку и педантичности», я многое готова была стерпеть, Никита Андреевич, даже то, что ваши представления о порядке плохо согласуются с понятием «чистота». Однако то неутешительное, что я узнала о ваших умственных способностях...

— Ну да, дурак. — Я продолжал сохранять миролюбивый тон. — Но, во-первых, Варвара Ильинична, то, что произошло, не имеет отношения к моим умственным способностям. Во-вторых, я поступил правильно. В-третьих, кто бы заметил вас, умных, если бы не мы — дураки?

Последнюю часть тирады я мог бы опустить — она не добавила гармонии нашим пошатнувшимся отношениям. Варвару снова понесло. Я и так в последнее время узнал о себе много нового, а сегодня копилка знаний существенно пополнилась. Я давно подозревал, что моя возлюбленная, обладающая рядом парапсихических способностей, произошла не от Евы, как все нормальные женщины, а от

Лилит — праматери всех ведьм. Ведь поначалу именно ее Создатель назначил женой Адама! Он явно ошибся, боги тоже ошибаются. Созданная по образу и подобию Бога, особа вышла резкой, вольнолюбивой и своенравной. Первая феминистка на свете — хотела быть равной Адаму. Последнему это резко не понравилось, он попросил заменить изделие, непригодное к эксплуатации. Бог прислушался к мнению мужчины, изгнал Лилит из рая, а Адам получил новую жену — изделие из ребра вышло куда продуманнее и «эргономичнее». Оскорбленная же Лилит долго скиталась по свету — от нее и пошли злые колдуньи и прочие ведьмаки...

Терпение лопнуло — я тоже человек. Мы наговорили друг другу кучу обидных глупостей, она обозвала меня «дрянным детективишкой», я ее — «безмозглой госпожой архивариус», и именно это почему-то ее зацепило.

— Я не архивариус, дорогой, — процедила Варвара. — Я — архивист, чтобы ты знал.

Ну да, это все меняет. В свободное от путешествий по тонким мирам время Варвара работала в архивном отделе государственной публичной библиотеки и очень этим гордилась.

— Да, конечно, — согласился я, — слово «архивариус» звучит глупо. Архивист — куда лучше.

— Ну и зачем ты мне звонишь? — окончательно разозлилась Варвара. — Хочешь сделать

еще хуже — самовлюбленное, эгоистическое и жестокое существо!

Я зажмурился. Надеюсь, она не собиралась превратить меня в свинью — как это сделала Цирцея со спутниками Одиссея?

— Все, отстань, — отрезала Варвара. — Мне некогда. Я сходила на базар, купила говяжьи косточки и буду варить суп.

— И зачем ты мне об этом рассказываешь? — осторожно спросил я.

— А затем, что там хотя бы мозги есть! — выпалила Варвара и бросила трубку.

Я тоже выключил аппарат и от души ругнулся:

— Вот ведьма...

Но не успел швырнуть его в щель между диванными подушками, как он снова ожил. Звонила Варвара.

— Хочу сообщить тебе, дорогой, — произнесла она, сочась ядом, — настоящее зло — это не ведьмовство. А простые человеческие пороки — глупость, тщеславие, самовлюбленность и безразличие к окружающим, — и после этого уже окончательно выключила трубку.

Я изумленно уставился на замолчавший телефон. Волосы зашевелились на макушке. Мистику — в жизнь, товарищи? Я помотал головой, освобождаясь от липкого наваждения, бросил телефон в щель между подушками, чтобы глаза не мозолил...

Настроение в этот солнечный день застыло на нулевой отметке. Лето в Новосибирске шло своим чередом. Полтора месяца назад судьба свела меня с Сергеем Борисовичем Якушиным и его Музеем мировой погребальной культуры. Дело Марии Архиповны Власовой, скончавшейся больше века назад, понемногу забывалось, но иногда напоминало о себе странными снами и яркими образами. Я начинал успокаиваться, возвращался здравый смысл, и временами становилось стыдно — неужели я поверил в эту чушь? Наука многого не знает, но даже у запредельного есть пределы. Череды совпадений, досужие вымыслы под видом «научных» гипотез; «игры» разума, слуховые и зрительные галлюцинации — что еще это было? Не надо усложнять, все имеет логичное объяснение. Полиция за убийство преступника меня, конечно, по головке не погладила, но все обошлось. Не было задержаний, бесконечных вызовов к следователю. Все лавры забрала полиция Центрального района в лице моего однокашника Вадима Кривицкого, и все стороны остались довольны. Жизнь продолжалась. Варвара согласилась переехать в мою холостяцкую берлогу на улице Советской, но честно предупредила: только с одним чемоданом, поскольку вы, товарищ сыщик, существо ненадежное и весьма подозрительное. С Варварой было трудно, иногда невозможно, но я уже знал, что это надолго

(если не сказать большего). Через неделю она задумалась и допустила, что может перевезти и второй чемодан. Ее отпуск давно закончился, мой — не начинался. Все дни она просиживала в своей библиотеке, я работал в детективном агентстве «ЧП “Ветров”. Частные расследования», являясь его основателем, директором, а также единственным сотрудником, если не считать помощницу и секретаршу Римму Качаченко. Римма в мои дела не вмешивалась (во всяком случае, делала вид), сидела в офисе, принимала почту и отвечала на звонки. Агентство худо-бедно существовало, я поднял Римме зарплату на пять тысяч, отчего она впала в легкий ступор и задумалась: это унижение или большая честь? Видения касательно армейской службы и последнего боя сошли на нет — лишь иногда что-то взбрыкивало в душе, и остаточные явления царапали горло. Я перестал принимать препараты, на которых сидел несколько лет, — и это тоже прошло безболезненно. У Варвары и Сергея Борисовича на этот счет имелось собственное мнение, связанное с куполом Большого зала Новосибирского крематория (который я действительно неоднократно посещал), но к этой гипотезе я продолжал относиться скептически, предпочитая традиционную версию — связанную с целебными свойствами времени. Пару раз я выполнял несложную работу для Якушина, проверял «маршруты» не-

которых артефактов, пополнивших коллекцию музея. Дважды работал на клиентов, оставлявших Римме свои координаты и пожелания. За пределы законодательства я старался не выходить — во всяком случае, явно. А вот лазейки в последнем с удовольствием использовал. Полиция на мои увертки закрывала глаза — нашим органам я тоже пару раз оказывал услуги. Иногда я приезжал в музей Сергея Борисовича, бродил по залам бывшей котельной базы Военторга, ставшей одним из самых странных музеев мира, разглядывал экспонаты: надгробные плиты и старинные траурные платья, похоронную атрибутику XIX века. Я всматривался в лики святых, взирающих с икон, знакомился с коллекциями мемориальных украшений. Их было много — предметы из жемчуга и аметиста, медальоны с портретами и локонами умерших людей, ювелирные изделия с монограммами и памятными надписями. Удивляла фантазия мастеров похоронных дел: на заказ из волос умерших делали серьги, браслеты, цепочки, даже пышные кольца и подвески. Из них создавали узорчатые настенные мемориалы, вплетали в картины и гобелены. Сотрудники музея выставляли новые экспонаты: японские урны для праха — они напоминали мне чайный сервиз «Фудзияма», что был когда-то в нашем доме; надгробные кресты, траурные одежды, сшитые по нормам ушедшей эпохи. Иногда

я ловил себя на мысли, что приезжаю неосознанно — сажусь в машину, еду, провожу в музей и на территории крематория свободное время, потом возвращаюсь в город, толкнусь в супермаркете, чтобы купить продукты. Прогулки по владениям господина Якушина настраивали на минорный лад и как-то успокаивали. Странные мысли приходили в голову: а что, если правда жизнь — иллюзия, а все настоящее начнется после смерти? И так ли не прав Станислав Ежи Лец со своим: «Первое условие бессмертия — смерть»? Однако, как ни крути, и Гёте был прав, заявив, что жизнь — прекраснейшая из выдумок природы...

Недоразумения начались с последней работы, предложенной Сергеем Борисовичем. Во втором корпусе музея открылась экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне. Далеко не все из выставленных экспонатов имели отношение к смерти. Экспонировалось оружие советских времен, военная форма, амуниция (в том числе подразделений вермахта), знамена частей и соединений, групповые фотографии советских солдат — улыбчивых и, что характерно, живых. Однако на войне за смертью далеко не ходят. Старые, пожелтевшие похоронки, пробитые пулями каски, залитые кровью солдатские книжки и жетоны, фрагменты писем красноармейцев, которые они перед смертью не успели отправить близким. экспо-

зиция была чувственная, сильная. В один из дней на выставке произошел инцидент. 94-летнему старику стало плохо, но откачали. Некто Жаров Степан Макарович, ветеран войны, участник боев под Москвой зимой 41-го, бился под Курском, освобождал Белорусское Полесье и польскую Нижнюю Силезию, незаконно присвоенную Германией. Хоронил в крематории супругу, с которой прожил больше 60 (!) лет. Сыновья, внуки, правнуки — многие приехали в этот день. Старик — в своем уме, у него прекрасная память. К кончине больной жены готовился давно, рассудок от этого события не помутился. Как он с парой родственников оказался в музее, неизвестно. Хотя не он первый. Увидел фляжку, пробитую пулей, лежащую среди других воинских артефактов, заволновался: это же его фляжка! Как узнал, непонятно, сперва не поверили. Старик прижался носом к витрине — моя фляжка, она одна такая! На ремне висела, видите, пулей пробита? Эта пуля и ему досталась, поразила сбоку нижнюю часть живота — отправила в госпиталь, где и провалялся больше полугода... Старик настаивал: достаньте, дайте посмотреть! Глаза слезились, руки дрожали. Моя она, на задней стороне гвоздем нацарапано: «Жаров» — специально нацарапал, чтобы однополчане не сперли, а то бывали случаи! Персонал растерялся, подозревали Сергея Борисовича, тот распорядился открыть

витрину. И ведь действительно — на задней стороне алюминиевой солдатской фляжки было нацарапано то самое слово! Обычная фляжка, как старик ее узнал — мистическая загадка. Сергей Борисович вернул старику его утраченную собственность. Попутно всплыла детективная история. 2-я Ударная армия будущего предателя генерала Власова гибла, окруженная, в Волховских болотах, Ставка помощь не оказывала. Солдаты умирали от холода, голода, под бомбами и артобстрелами. Отдельные подразделения пытались вырваться из кольца, но удавалось немногим. Степан Макарович был молодым офицером, прошел ускоренные лейтенантские курсы. Весь взвод погиб, когда весной 42-го выходили из топей под деревней Рыковка. К взводу прибились несколько офицеров из штаба разгромленной дивизии — на них давно охотился Абвер. Той ночью людей разбросало, контролировать солдат было невозможно. Выходили перед рассветом — небо едва серело. Весь взвод и офицеры штаба легли под проливным пулеметным огнем. Те, кто в панике бежали, тонули в трясине. Немцы потом подошли к краю топи, добивали раненых. Степан Макарович лежал без сознания с пулей в боку. Весь в крови, в болотной грязи — его сочли убитым. И эта насмешливая фраза сильным голосом по-русски: мол, отмучились, товарищ лейтенант? Туда вам и дорога, ста-

линский выкормыш... Голос вроде знакомый, но звучал глухо — или просто выдумал его, находясь в бредовом состоянии? Смутно доходило, что обладатель голоса стаскивал с него ремень, а там, помимо фляжки и подсумка, был шикарный трофейный нож в кожаном чехле. Когда пришел в себя — никого вокруг, только мертвые красноармейцы. Он плохо все помнил, полз, брел на полусогнутых. Случилось чудо, наткнулся на патруль, вытащили, переправили в госпиталь. Как-то излечили, к лету 43-го встал в строй. Прошел остаток войны без единого ранения — и постоянно терзался, не мог найти объяснения: что это было? Откуда взялись немцы? Сдала какая-то гнида — либо из своих, либо из штабистов. За своих бойцов и младший командный состав он был уверен, за штабистов — тоже. Грешил было на одного капитана, имелось в нем что-то непорядочное, но своими глазами видел его труп, когда выползал из болота. Никто не вернулся, кроме него, все сгнули в той трясине под пулеметным огнем. Страдал, терзался Степан Макарович, стыдно было, что все погибли, а он остался. Очень хотел узнать — кто же сдал окруженцев, кто втихую перешел к немцам и сообщил, каким маршрутом они пойдут. Создавал круг подозреваемых, исключал тех, кто был рядом. Но всех не запомнил — пасмурно было, два отделения шли параллельным курсом...